Иван Репников

Был крестьянин, три сына имел. «Дети, дров надо рубить, каки вам надо топоры?» Один сказал: «Мне надо два фунта»; другой — три фунта, третей — в десеть фунтов. Все трое пошли дров сеччи. Первой день ходили, два брата по две сажени насекли, а меньшо́й всё в лесу ищет, ходит. Приходят домой, Иван и говорит: «Я лесу не мог прибра́ть, мелко́й лес». На другой день братья по́ три сажени насекли, а Иван опять топора не наложил, ходил всё, лесу искал. На третей день пошли, они сеччи стали, слышат и Иван секёт, только шум шумит, дерев́ина на дерев́ину ломит, подсекой валит. В день Иван лесу много нарубил, а дров не россекал. Весной Иван обжог, репу посеел. Осень пришла, репы полон бор поднелось, весь бор колыблетця. Надо репу караулить, штобы воры не росхитили. Роскинули ночи: старшему пе́рва ночь караулить, среднему друга́, Ивану тре́тья. Старшо́й пришол, репы много розворовано, с избу места; поутру стал, репы унесено больше того. То же и другой брат.

Пошол Иван. Спичья́ настрогал, натыкал, ого́ничка росклал, задремал и пал на спичьё, и пробудилса. Сон о́бодрало, видит: мужик репу в мешки складыват. Иван топор схватил, десятифунтовик, и побежал. «Пошто репу воруёшь? Я у тебя голову отсеку». — «Не машись топором, я тибе огни́вчо даю; это огнивчо росши́вно, о нём пло́тка, да креме́шок; ты шо́рни плотку о кремешок, выскочат два молодча, скажут: "Што, Иван хресьянской сын, прикажош делать нам?"» Иван шо́рнул, выскочило два молодча, Иван и приказал им отрубить у вора-чорта озерско́го воденика́ голову́. Иван пришол домой и говорит: «Больше вор не придёт, по́тьте, братья, броси́те в озеро вора». Братья пошли, гледят: бугор сильней лежит, испугались — назад. «Как ты с им поправился». — «А поправится у своего добра не хитро». — «А как мы его с реки-то уберём?» — «Ладно, убере́тця, вы трое не могли, я один уберу». Пошол, вызвал из огнивча молоццов, велел им чорта в озеро бросить. Оборвали потом всю репу. «Вы репой торгуйте». А сам он пошол на репишшо, вызвал троих молоццов, велел им лес обрать и город испостроить. Утром зовёт отца и братьев репишшо посмотреть. Идут, было репищо, а стоит город пречудесной, больша́щой. Иван говорит: «Што в деревне жить, надо в город перебратця».

Иван вызвал из огнивча слуг своих, велел им подать пару вороных да карету золоту, да одежду прынцом средитця. Сейчас пара лошадей, карета золота, прынцом снарядилса, на карету засел, погонили.[1] Приежжают, царь прынца стречат, на стул посадил. «Окуль? Как?» — «А вот, неподалёку, женитця хочу,выдавай за меня замуж». Царь спросил у жоны, у дочери, до у́тра так оставили. На другой день приежжают, дочь пожелала итти. Завелась свадьба. У Ивана не пиво варить, не вина курить, слуги из огнивца всё приготовят. Поехали к царю на свадьбу, сыграли свадьбу, зовёт тестя в город. «Места моего смотреть». Все поехали, царь дивуется. «Итти — дико место было, а теперь город стоит. Хитрой ты человек!»

Погодя приходит прежной жоних царевны, пригонят войска. «Оддай, вы́дана, дак битця будем». Царь к зятю посла послал, зять приежжат. «Вот, зятюшко, помоги ты мне своей хитросью войска прибавлеть». — «Могу, тесть, не печалуйся. Выгоняй силу в поле, вывози сороко́ви с вином». Царской приказ исполнили, сам Иван приехал в поле, ему чесь воздали. «Пейте вина, веселитесь, кричите ура». Они начели вино пить, ура кричать. Иван из огнивча слуг вызвал, велел на неприятельское войско туман напустить, штобы само себя било. Оно само себя все и перекололо. Царь обрадовался, што войско неверно всё перекололи, а своё цело-невредимо.

Жена видит, што у него хитрости больши, стала его вином поить, узнать хочет. Повалились спать, она и просит обсказать свою хитрось. Иван с пьяна и проговорился. Обсказал хитрось и огнивчо показал. После того она у него огнивчо взела, из кармана вынела, пошла в город, велела приготовить точно такое же огнивчо, и в корман положила фальшиво, а его к сибе прибрала. И написала старому жениху записку, отправила со слугами из огнивча, штобы приходил с войском небольшим ее брать. Прынц сейчас войска наредил и посла послал. «Доцерь выдавай или на поединку иди». Царь за зятем записку послал. Иван по-старому приказал, не знат, што огнивчо сменено. Огнивчо вынел, шо́рнул раз, другой, тре́тей — нет ничего, не действует. Войско его напилось до́пьяна, войско его всё перекололи. А жона велела слугам из огнивча себя вместе с кроватью к старому жониху перенести. Иван приходит, жоны нет и говорит: «Я хитрой, жона хитре меня». Пошол к царю и говорит: «Дочь твоя, жона моя нас перехитрила и розорила». Царь и Иван ушли из города проць в тёмны леса. «Ну тесь, а я зеть, делать нам теперь нечего, царево твоё прожже́но. Я паду перед тобой о́ зень, а ты скажи: «был зеть-молодеч, будь жеребеч»; буду я жеребчом, на мне кажна шерстина по-серебри́ны, повод шолков, узда серебренна. Ты на меня садись, повод в руки бери, я побегу дорогу искать, жону искать».

Скакал, скакал, в уши воет, прискочил к царскому парадному крыльцу и сгорготáл. Царь пробудился, на ноги ступни надел, выходит на парадно крыльцо и видит: стоит лошедь брáва, а на ней старик седой сидит. «Пошто ты мне в ночное време спокою не даёшь?» — «Помилуйте, ваше превосходительство, овладела меня лошедь, принесла к твоему крыльцу. Купи у меня лошедь, я продам за петьсот рублей, она и дороже стоит». Царь ему деньги отдават, старик слез с лошеди и обзабылса, что надо узду снять, как наказывал ему зять. Царь приказал лошедь увести, а старик вышол из дворца, вспомнил, што забыл узду снять, пошол в рощу и стал плакать, што уходил зятя и сам себя.

Царь приходит к царице и говорит: «Душечка моя, посмотри, какую я лошедь купил». А жена пробудилась и говорит: «Это ты беду купил, это мой старой муж, Иван; прикажи удавить ее́». Пóслушники в кольцо лошедь подёрнули, ноги дó полу недотыкают. Нянька пошла сена давать, видит лошадь хороша давитця и пожалела. А лошадь и говорит: «Когда ты меня пожалела, то сделай, как я прошу: сейчас меня будут колоть, ты подвернись, и крови в стýпень начиди и прочь отойди; против царскаго окошка ямочку вырой, кровь вылей и землёй зарой; через ночь выростёт дерево с окнами нáровень, большое; на древе яблоки будут, ты само верхно яблоко сорви, в платок свежи, там перстень, ты будешь моя невеста. Чарьска жона прикажот древо секчи, ты перву щепу подбери и прочь уйди». Так всё и сделалось, как говорила лошедь. Стали древо рубить, горнишна щепý перву взела, в платок свезала. Древо сожгли, а щепу горнишна в пруд бросила, где гуси и лебеди купарáндаютця. Щепина гусем обернулась и ну всех гусей-лебедей гонять. Царь с рёву пробудилса, пошол смотреть, видит: гусь златопёрой плават, всех птиц гонят. Царь стал раздеватця. «Не могу-ле гуся поймать». Царь портки соймёт, на бережок кладёт и спуститца в пруд; гусь его отманиват дальше, да дальше, да дальше и к другому берегу отманил, на другой бережок; а сам крылья роспустил, да к царскому платью, в лапы портки забрал и полетел, а в портках царских огнивчо было. А гусь через тын перелетел, ó пол пал, обернулся молодцом, огнивчо из портков вынел, шóрнул, и вышли два молодца. Иван велел отыскать старика-тестя. Пошли к царю-противнику, велели царю свою бывшую жону привезать к хвосту неученого жеребця и нажáрили его. Царя того простил, а на куфарке женилса и пошол жить на своё репишшо.

(Чалков Степан Кузьмич)

1 В Поморье, разумеется, понятия не имеют о настоящей карете. На Печоре напр., «коре́ткой называются маленькие санки , очень легкие, в которых только катаются обыкновенно на масляной. Санки-коретки обыкновенно раскрашены». «На корету сел» форма на Печоре обычная.

Ончуков Николай Евгеньевич. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая гг. СПб. 1908.